

УДК 343.2/7

Конструирование и применение норм с полисемичными признаками состава преступления

Сафонов Владимир Николаевич, доцент кафедры уголовного права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент, svn205@gmail.com

Мареев Алексей Евгеньевич, студент, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, mareev.alex1@yandex.ru

В статье рассматривается проблема конструирования и применения уголовно-правовых норм с полисемичными терминами. В целях устранения неопределенности правового регулирования предложены меры законотворческого и правоприменительного характера.

Ключевые слова: полисемичный термин, криминализация, юридическая техника, квалификация, применение.

Технико-юридические особенности криминализации деяний нередко становятся причиной правовой неопределенности или изменения вектора правоприменительной практики. Одной из причин является использование законодателем полисемичных уголовно-правовых терминов при конструировании правовых норм. Лингвисты полисемией называют употребление одного и того же слова в нескольких связанных между собой значениях [1]. Как наличие у одного слова нескольких связанных по смыслу значений многозначность трактует Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова [2, с. 901]. В научных публикациях отмечается, что полисемичные термины, ставшие признаками состава преступления, представляют собой заметную уголовно-правовую проблему, связанную как с конструированием [3], так и с применением уголовно-правовых норм [4]. Связанность значений полисемичного термина предполагает их близость, а следовательно, необходимость учитывать особенности и тонкости их соотношения для понимания той или иной правовой конструкции.

Главная особенность уголовно-правовой полисемии заключается в том, что один и тот же термин может обозначать как деятельность, так и результат такой деятельности. Однако из диспозиции нормы не всегда ясно, каким законодатель видит момент окончания деяния: ограничивается ли он первым вариантом либо предполагает второй, т. е. наступление определенного результата деятельности. Следует оговориться, что речь идет о ситуациях, когда полисемия является элементом простой диспозиции и деяние не описывается с достаточной полнотой. В описательных диспозициях данная проблема, как правило, снимается за счет практически исчерпывающего в рассматриваемом контексте описания признаков деяния.

Использование полисемичного термина не свидетельствует о лингвистической бедности уголовного закона. Напротив, «в профессиональном дискурсе полисемия представляет собой следствие развития значения, что дает основание считать ее функциональной и может рассматриваться как конечный этап развития значения» [5, с. 97]. А. И. Бойко отмечает, что законодатель вынужден согласиться «с неизбежностью отступления от некоего идеального способа описания преступлений и правил их преследования, предлагаемого в науке (отсутствие в УК синонимии и вообще полисемии, архаизмов и тропов, метонимии и неологизмов, просторечий и т. д.)» [6, с. 115]. С данным тезисом солидарна М. Б. Кострова [7, с. 65].

Таким образом, полисемия отражает динамику развития понятий и формирование окончательного значения термина. Недостаточная урегулированность полисемичности как элемента юридиче-

ской техники влияет на понимание момента окончания преступления и фактически развивается по прецедентным началам. Так, в обозримом прошлом изменялось понимание момента окончания деяний, составообразующим признаком которых выступали полисемичные термины. В основе разнонаправленной следственно-судебной практики находились конструктивные признаки составов преступлений:

- организация банды (ст. 77 УК РСФСР);
- вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ);
- сбыт наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228.1 УК РФ) и ряд других.

К числу наиболее актуальных терминов — конструктивных признаков составов преступлений, имеющих полисемичную природу, относятся: «уклонение», «вербовка», «воздействие», «сбыт», «охота», «добыча», «вовлечение», «склонение», «организация», «создание», «оставление», «понуждение», «принуждение». Причем один и тот же термин может выступать признаком различных деяний, что свидетельствует о распространенности данной проблемы в УК РФ.

Как уже отмечалось, неоднозначность толкования и противоречивость применения норм УК РФ с полисемичными терминами объясняется вариативностью роли, которую играет термин в конкретной норме. Однако лишь в редких случаях законодатель, используя полисемичный термин, прибегает к описательной диспозиции, исключая тем самым правовую неопределенность. Примером может служить ст. 282 УК РФ, наименование которой содержит полисемичный признак — «возбуждение ненависти либо вражды». Его многозначность может выражаться как в действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, так и в наступлении соответствующего результата. Поэтому законодатель использовал описательную диспозицию, раскрыв содержание данного признака через характеристику действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды.

Однако описательные диспозиции с полисемичными терминами встречаются значительно реже. Нераскрытые полисемичные термины, порождая правовую неопределенность и ожидая разъяснения Пленума Верховного Суда РФ (далее — ПВС РФ), — не редкость. Это наблюдается, например, в диспозиции ст. 127.1 УК РФ, в ч. 1 которой полисемичный термин «вербовка» человека в целях его эксплуатации лингвистически предполагает как деятельность по вербовке, так и согласие жертвы как результат такой вербовки. Не случайно в п. 13 постановления ПВС РФ от 24 декабря 2019 г. N 58 (ред. от 9 декабря 2025 г.) «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле

людьми» дается развернутое определение данного признака: «Вербовкой является поиск, отбор и прием по найму лиц для выполнения в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ, оказания услуг либо осуществления иной деятельности, в т. ч. на территории иностранного государства, совершенные в целях дальнейшей эксплуатации вербуемого человека. Для получения согласия потерпевшего могут быть использованы, например, обещание вознаграждения, шантаж, обман или злоупотребление доверием (в частности, под предлогом предоставления работы или возможности обучения по той или иной профессии)» [8].

Возникает вопрос о том, какой позиции следует придерживаться при применении таких терминов в отсутствие описательной диспозиции и разъяснений ПВС РФ. Наиболее очевидным является применение не только грамматического, но и логического и систематического толкования нормы. В этом отношении показателен пример ч. 1 ст. 110.1 УК РФ («Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»), которая содержит описательную диспозицию с полисемичным термином: склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства. Очевидно, что текст ч. 1 диспозиции данной нормы оставляет вопросы относительно понимания склонения к совершению самоубийства и момента его юридического окончания, поскольку здесь возможны два варианта: начало действий по склонению либо наступление результата склонения. Однако обращение к ч. 4 ст. 110.1 УК РФ снимает эти вопросы, поскольку она предусматривает ответственность за завершённое склонение: «Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, повлекшие самоубийство или покушение на самоубийство». Следовательно, ч. 1 ст. 110.1 УК РФ предусматривает ответственность за склонение к совершению самоубийства,

ограничиваясь фактом совершения соответствующих действий.

С учетом активной нормотворческой деятельности число уголовно-правовых норм с полисемичными терминами возрастает. В диспозициях некоторых норм встречается сразу несколько таких терминов. В частности, в ст. 281.1 УК РФ («Содействие диверсионной деятельности») используются следующие полисемичные признаки: «склонение», «вербовка», «вовлечение», «организация». В ст. 282.2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации») к ним относятся: «организация», «склонение», «вербовка», «иное вовлечение».

Рассмотрение проблематики полисемии как признака диспозиций уголовно-правовых норм позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Полисемичные термины как конструктивный признак состава преступления представляют собой достаточно распространенный технико-юридический прием и не свидетельствуют о бедности языка уголовного закона.

2. Используя такие термины, законодатель должен учитывать их многозначность, которая может приводить к неопределенности толкования и квалификационным проблемам. Прежде всего это связано с определением момента окончания деяния, что, в свою очередь, влияет на правовую оценку и наказуемость деяний с учетом различий в ответственности в зависимости от стадии совершения преступления.

3. В связи с этим диспозиции уголовно-правовых норм, содержащие полисемичные термины, целесообразно конструировать по типу описательных.

4. В практическом плане толкование диспозиций, содержащих полисемичные термины, предполагает использование совокупности методов толкования: грамматического, систематического, логического, а также исторического.

Примечания

1. Попова Л. В. Лингвистический термин: проблема качества (опыт составления «Комплексного словаря терминов функциональной грамматики»). М., 2011.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2004.
3. Сафонов В. Н. Полисемичные уголовно-правовые термины и стабильность следственно-судебной практики // Журнал юридических исследований. 2023. N 2.
4. Сафонов В. Н. Полисемичные уголовно-правовые термины и оптимизация практики их толкования // Закон. Право. Государство. 2023. N 2.
5. Трифонов А. С. Полисемия и синонимия как функциональные параметры термина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. N 3.
6. Бойко А. А. Язык уголовного закона и его понимание: монография. М., 2010.
7. Кострова М. Б. Языковая детерминированность уголовного закона // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: сборник статей. Саратов, 2002.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // СПС «КонсультантПлюс».

English version

Drafting and application of criminal law provisions containing polysemous elements of the corpus delicti

Safonov Vladimir Nikolaevich, associate professor of the department of criminal law, North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, candidate of sciences (law), associate professor

Mareev Aleksey Evgen'evich, student, North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

This article examines the problem of drafting and applying criminal law provisions containing polysemous terms. In order to eliminate uncertainty in legal regulation, the authors propose a number of legislative and law-enforcement measures.

Keywords: polysemous term, criminalization, legal drafting technique, qualification, application.